

ПРО ЖУКА И МУЖИКА

В далекое или близкое время, жил на свете один жук. Непростой был жук. Хитрый был жук. В округе своей всех перехитрил — раздел, разул, коварно надул. Никто не мог ничего поделаться с жуком, потому что никогда жук с хитростью своей не расставался. Куда жук ни пойдет, туда и хитрость свою за собою ведет. Куда бы жук ни собирался, то непременно в хитрость свою облачался. Если пойти куда замышлял, туда же хитрость свою посылал.

Так жук с хитростью своей всю свою округу вокруг пальца обвел, всех по миру пустил. Поговаривали, будто хитрость жука вперед жука родилась.

Прослышал как-то жук, что в соседней округе богатый мужик живет. Живет мужик, не тужит, себе да Богу служит. Затосковал жук, что не ему мужик служит, а с людьми да с Богом дружит. Замыслил жук мужика перехитрить, себе его подчинить.

Встал жук, собрался, не молился, не крестился, в хитрость свою облачился, в путь-дорожку с нею пустился.

Приходит к мужику и говорит:

— Что делаешь, мужик?

— Как что?! — удивляется мужик. — Землю пашу, урожай рощу.

— Говорят, живешь — не тужишь, с Богом да с людьми дружишь?

— Верно. Не хожу, не брожу, ничего не прошу, с людьми да с Богом дружу.

— А ты знаешь, кто я? — спрашивает жук.

— Как кто?! — снова удивляется мужик. — Жук ты...

— Жук-то жук, но не простой я жук. Гонимый я жук.

— Ну-у?! — дивится мужик и чешет затылок... — Сколько встречал на свете жуков, но чтоб такого?! И видом-то не видывал и слыхом-то не слыхивал...

— Гляди, коль не видывал, спроси, коль не слыхивал!

Спросил мужик про жука и — правда: все жука боятся, все жука сторонятся, все жука избегают, гонят, ругают.

— Не соврал стало быть ты, жук, правду сказал...

— Ох, не соврал. Ох, правду сказал, — кивает головой жук.

— Бедный, видно, ты жук...

— Ох, бедный я жук. Ох, бедный, — тяжело вздыхает жук.

— Не сладко, видно, тебе живется, жук...

— Ох, не сладко, мужик. Ох, видно. Пожалей ты меня, мужик, — зарыдал жук, — непростого жука. Отдай мне урожай свой, а ты еще себе соберешь. Ты — мужик простой, ты и так проживешь...

Задумался мужик. Чешет затылок. Жалко стало ему непростого жука — отдал он ему весь свой урожай.

Забрал жук у мужика урожай, продал в другой округе, стал еще богаче. Приходит на следующий год опять к мужику и говорит:

— Отдай, мужик, мне свой урожай, а то совсем худо мне — непростому жуку. Ты — мужик простой, ты и так проживешь...

Задумался мужик. Чешет затылок. Верно говорит жук. Непростой он жук. Жалко ему стало непростого жука, отдал он ему и этот урожай.

Жук берет урожай да приговаривает:

— Ты, мужик, главное — мне верь. Маловато что-то у тебя нынче урожая, — упрекает он мужика, — поболее бы надо, а то совсем худо мне — непростому жуку. Ох, худо мне, мужик, ох, худо...

Приходит жук и на следующий год, а у мужика и вовсе мало урожая. Рассердился жук, кричит на мужика:

— Как мне жить, непростому жуку?! Скидывай портки и рубаху. Ты, мужик, простой, ты и так проживешь...

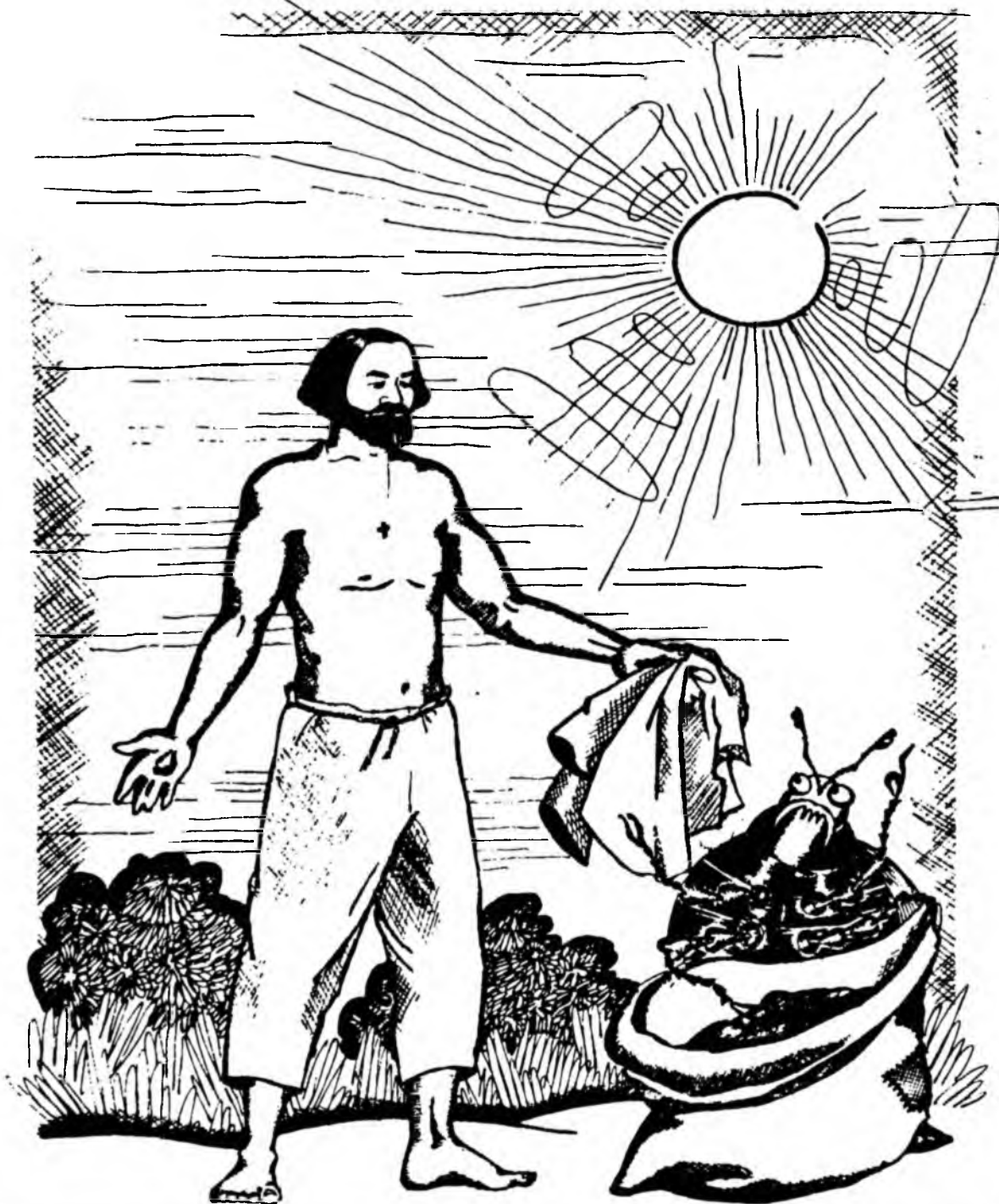
Задумался мужик. Чешет затылок. Жалко расставаться с последней рубахой, но делать нечего, отдал он жуку портки и рубаху.

Снимает жук с мужика последнюю рубаху да приговаривает:

— Уж, поверь мне, мужик, поверь, приду, совсем с земли сгоню, коль урожая мало будет. Уж, поверь мне, мужик, поверь...

Загрустил мужик, запечалился, схватился за голову. Сбил его с толку жук, заморочил голову, не поймет мужик, чем прогневал жука, как остался без портков и гроша... Что делать ему — простому мужику?!

Сел на родную землю, на землю-матушку, без порток и рубахи, загрустил, запечалился...

Встало Солнце ясное, Солнце красное. Окинуло своими лучами землю, глядит: сидит на земле мужик, не пашет, не сеет, а лишь слезами землю греет. Удивилось Солнце такому беспорядку и спрашивает мужика:

— О чем грустишь, муже? О чем тужишь? Кому веришь? Кому служишь?

Отвечает мужик Солнцу, жалуясь:

— Ох, Солнышко ясное! Ох, Солнышко красное! Как не тужить, как не грустить, непростому жуку не сумел угодить. Жука поил, жука кормил, но как и чем его прогневил?! Жук тот не сеет, не косит, а урожай просит. Грозился прийти и согнать с земли. Верил жуку, верил ему — теперь вот от горя и срама горю. Солнышко ясное! Солнышко красное! Не знаю, что делать, куда мне пойти? От срама и горя как мне уйти? Верною Верой мой ум просвети.

Выслушало Солнце мужика и говорит ему:

— Горе, ты, муже, из сердца гони. Горем ты горьким себя не кори. Веру родную себе ты верни. Верностью Вере родной послужи.

— Солнце Ты ясное! Солнце Ты красное! Ты в небе сияешь, Ты в небе живешь, землю Ты греешь и жизнь ей даешь. Свету я верю, Свету служу. Верность я Вере родной сохраню.

Внял мужик Слову Светлому, Слову Мудрому. Вспомнил он, кому надо верить и кому служить. Обрадовался, поклонился Солнцу до земли и принялся землю пахать да урожай собирать.

Прогнал мужик жука и зажил по-прежнему.

А жук тем временем не может найти себе места. Нет покоя жуку — хочет отомстить мужику. Не помогла хитрость жука — подчинить мужика. Замыслил жук тогда погубить мужика.

Встал жук, собрался, не молился, не крестился, хитростью своею препоясал чресла свои, в путь-дорожку с нею пустился.

Приходит к мужику и говорит.

— Эй, мужик, знаешь — кто я?

— Знаю, — отвечает ему мужик, — жук ты, кто ж еще...

— Жук-то жук, но непростой я жук.

— Видали мы таких жуков, — говорит ему мужик.

— Видать-то, может, и видали, да и слышать-то, может, и слышали, но вот читать-то, мужик, не читали...

— Ну-у?! — удивился мужик и чешет затылок.

— Избранный я жук, — гордо сообщает жук мужику и тычет пальцем в небо.

Задрал мужик голову к небу: «Высоко — не увидишь. Далеко — не услышишь». Дивясь, думает он и чешет затылок.

А жук подставил к носу мужика писание и тычет в него пальцем.

— Вот написано, читай.

Читает мужик и диву дается.

— Правда, написано. Не соврал стало быть ты, жук...

— Ох, правда, ох, не соврал, — кивает головой жук.

— Избранный, видно, ты, жук...

— Ох, избранный, мужик, ох, видно... Послушай, мужик, меня, избранного жука: посади меня себе на шею, чтобы сверху было виднее. Чтоб знать, куда мне идти, да тебе, мужику, не свернуть бы с пути. У тебя, мужика, шея крепка.

Задумался мужик. Чешет затылок. Верно говорит жук — сверху виднее, да и шея мужичья крепче.

— Залезай, — говорит он жуку.

Залез жук на шею мужику и повел жук мужика от пенечка к пеньку, от кусточка к кусту. Ведет да приговаривает:

— Ты, мужик, главное, на меня надейся, да с пути, смотри, правильного не сбейся...

Завел жук мужика в болото, бросил на погибель, а сам уселся на его землю — стал еще богаче.

Сидит мужик на болоте, обхватив голову руками, и горько плачет.

Встало Солнце ясное, Солнце красное. Окинуло своими лучами землю. Смотрит: сидит мужик на болоте и горько плачет. Удивилось Солнце такому беспорядку и спрашивает мужика:

— Отчего, муже, не пашешь, не сеешь, а слезами болото греешь? Чьей надеждою ум свой лелеешь?

— Ох, Солнышко ясное! Ох, Солнышко красное! Где же мне сеять и где мне пахать? Где же землю родимую взять? Надежду свою не сберег, потерял. Надежду мою у меня жук отнял. Жука я на шею свою посадил. А жук обнадежил — во тьму заманил. Солнышко ясное! Солнышко красное! Ты в небе сияешь! Ты в небе живешь! Ты Веру, Надежду и Жизнь подаешь! Скажи мне, ответь мне, беде помоги, где взять мне надежду, и как обрести?

Выслушало Солнце мужика и говорит ему:

— Ты, муже, не плачь, не горюй, не грусти. Оставь ту надежду, что сбила с пути. Надейся на ту, что в сердце живет. Живи той Надеждой, что к Свету ведет.

Внял мужик Слову Светлому, Слову Мудрому. Понял он, на кого надеяться надо. Обрадовался, поклонился Солнцу до земли, прогнал жука и принялся землю пахать да урожай собирать. И зажил по-прежнему...

Лютой ненавистью воспыал жук к мужику. Не помогла хитрость жука подчинить и сгубить мужика. Решил жук тогда со свету свести мужика.

Встал жук, собрался, не молился, не крестился, хитростью своею обвешался, вооружился, в путь-дороженьку с нею пустился. Приходит к мужику и говорит:

— Эй, мужик! Ты знаешь, кто я?

— Знаю, — отвечает мужик, — жук ты, кто ж еще?!

— Жук-то жук, но непростой я жук...

— Повидали мы тут всяких жуков, и слышались, и читались. Не в диву и ты нам.

— Видать-то, может, и видали, да и слышать-то, может, и слышали, да и читать-то, может, читали, но вот такого, как я, и не видывали, и не слыхивали, да и писать-то о таких еще не писывали...

— Ну-у?! — удивился мужик, — и что же это ты за

жук такой, что никто еще такого не видывал, не слыхивал да и писать-то еще никто не писывал?

— Добрый я жук...

— Не может быть?! — подскочил мужик на месте от удивления. — Жук и — добрый вдруг?!

— Может, мужик, может, — говорит жук и достает бутылку, — вот из любви к тебе даю выпить тебе. Вина не жалко жуку — хорошо бы жилось мужику.

Задумался мужик. Чешет затылок: «Экая невидаль: жук и добрый вдруг». Выпил мужик, повеселел, подобрел.

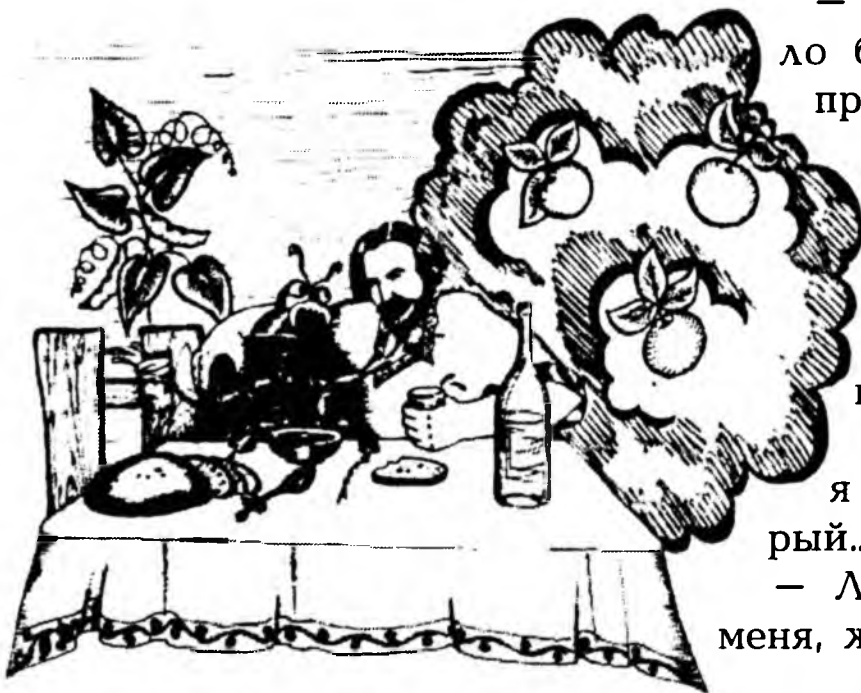
— Не соврал, стало быть, ты, жук, правду сказал...

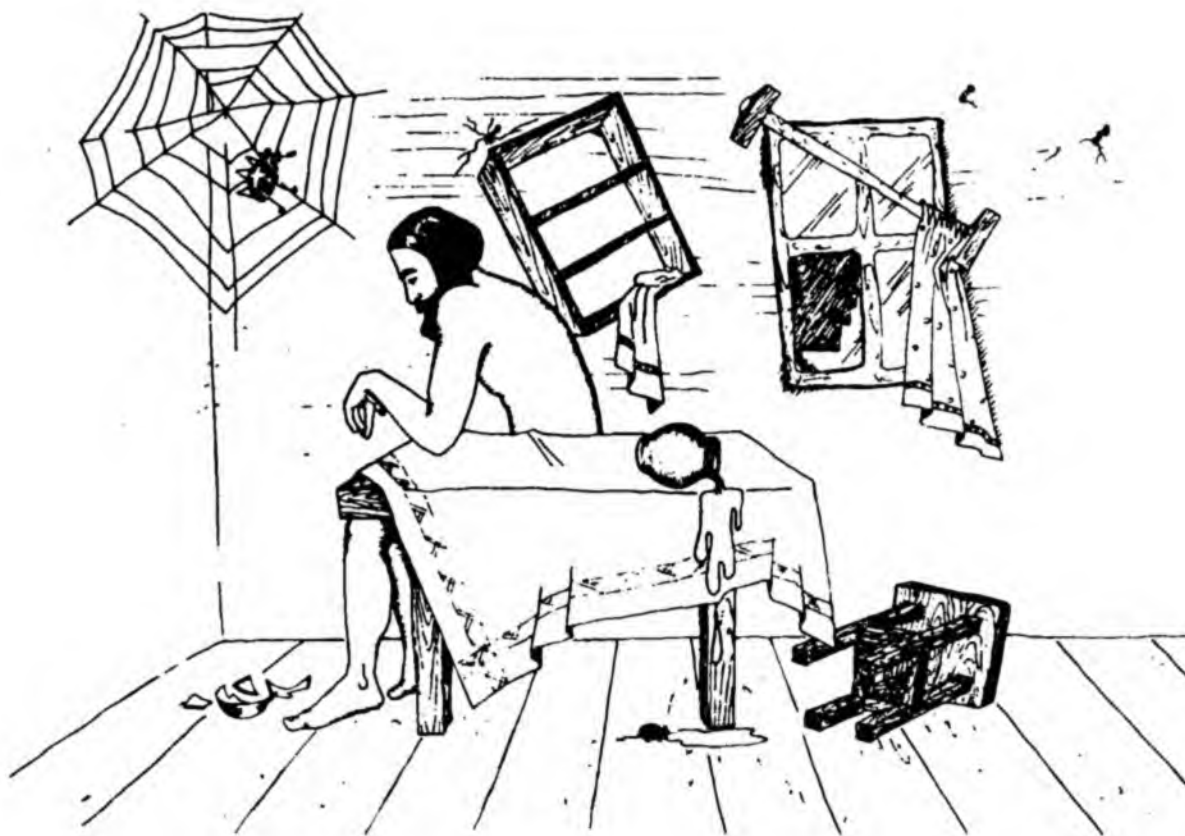
— Ох, не соврал, ох, правду сказал, — кивает головой жук.

— Добрый, видно, ты жук...

— Ох, добрый я жук. Ох, добрый...

— Любишь, видно, меня, жук?

— Ох, люблю, мужик. Ох, видно...

Выпил еще мужик. Еще больше повеселел, еще больше подобрел. Обнял жука, стал целовать.

— Люблю и я, жук, тебя...

— Люби, люби, мужик, меня, — подпевает жук мужику, — доброго жука. Но, главное, пей, мужик, пей, — приговаривает жук, спаивая мужика...

Проснулся мужик, болит голова. Нет ни кола, ни двора. Нет ни земли, ни жука, сам без порток и гроша. Обхватил голову руками и заплакал горькими слезами.

Встало Солнце ясное, Солнце красное. Окинуло своими лучами землю. Смотрит: сидит на ней голый мужик и горько плачет. Удивилось Солнце такому беспорядку и спрашивает мужика:

— Отчего, муже, не пашешь, не сеешь, а слезами землю греешь? О чем грустишь? О чем тужишь? На кого грешишь? Кого любишь?

— Ох, Солнышко ясное! Ох, Солнышко красное! Где же мне сеять и что мне пахать? Как и когда все я смог потерять? Как не грустить мне и как не тужить? Как смог я ложь с рук жука пригубить? Жука я приветил. Жука приютил. Любовью ответил. Любовь подарил.

— Солнышко ясное! Солнышко красное! Ты в небе сияешь! Ты в небе живешь! Ты по небу ходишь и к небу зовешь! Где злые корни несчастий моих? Открой их причины, пролей свет на них...

Выслушало солнце мужика и говорит ему:

— Могу лишь одно тебе, муже, сказать: Любовь — дар Великий — нельзя расточать. Любовь — дар Великим — умеи принимать. Любовь — дар Великих — умеи и давать...

Внял ли мужик Слову Светлому? Понял ли он Слово Мудрое? Как он стал жить после этого — сказка не ответила. Есть в ней правда или нет, сам ищи, мой друг, ответ...

А впрочем, сказка могла закончиться и так.

Внял мужик Слову Светлому, Слову Мудрому. Понял он, кого любить надо. Прогнал жука со своей земли и зажил по-прежнему.

Рассердился жук на хитрость свою, снял ее с себя, бросил в сердцах от себя... Закричал, затопал ногами, замахал на нее руками, попрекая ее делами:

— Не могла ты, хитрость моя, перехитрить простого мужика!

Обиделась хитрость жука на жука и ушла от жука искать себе другого жука. Стал жук без хитрости своей ни жуком, ни мужиком. Ходит один жук с тех пор по белу свету и пакостями своими мужику досаждаёт да тумак от него получает.

С той поры и хитрость одна по мужицкой земле блуждает да на хитрость мужика подбивает. Сказывают, кто с хитростью той поведется, тот тотчас в жука обернется.

Сказка людям — не указ.

Добру молодцу — наказ:

Коль не хочешь стать жуком

— Оставайся мужиком!

